

«Идея о Константинополе и о будущем Восточного вопроса так, как я ее изложил, — есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а древняя русская историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III-го. Кто ж виноват, что у вас теперь везде и во всем Баден-Баден»¹. Анализируя существующее положение России, её международный статус, а также состояние внутренней политики и духовных начал, Достоевский составляет свой однозначный прогноз относительно будущего Константинополя. Так он пишет в июньском выпуске «Дневника...» 1976 г.: «Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш»². Таким образом, автор определяет будущее славянских народов и роль России в нем.

«Дневник писателя», безусловно, занимает особое место в истории политической мысли России. Публицистика Достоевского дает нам возможность посмотреть на эпоху с нестандартного ракурса, оказаться в гуще исторических событий. Кроме того, труды подобного рода помогают приобщиться простым людям к политике, вовлекают их в процесс актуальных изменений.

Прокудин Борис Александрович

Кандидат политических наук,

доцент кафедры истории социально-политических учений

факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Политический характер русской литературы

Аннотация

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, почему классическая русская литература такая. Почему мы учились у французов, но по сравнению с легкомысленной французской прозой наша была образцом целомудрия, здравомыслия и напоминала суровый монастырь? Почему у нас писатель — обязательно проповедник и святой? Почему никто из классиков не писал о счастье, а все только о страдании? О долге. Об отречении. Гипотеза этой статьи — все дело в политике.

Ключевые слова: освободительный пафос, проповедческий пафос, антибуржуазный пафос, народнический пафос, христианский пафос.

В России XIX века литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была литературная критика. Третьим — философия.

Исторические причины такого странного, с европейской точки зрения, явления — известны: после восстания декабристов самодержавная власть, опасаясь вольнодумства и неблагонадежности, решила опереться на

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 13. — Л., 1989–1996. — Т. 13. — С. 220.

² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 13. — Л., 1989–1996. — С. 208.

чиновничество, создавая такие государственные формы, которые не предполагали участия других социальных слоев в процессе принятия решений. С этого же времени в России была ужесточена цензура, не допускающая прямых политических высказываний в прессе. Вузы, по проекту С. С. Уварова, должны были превратить студентов в «достойных орудий правительства». А проявления «гражданского неповиновения» власть пресекала на корню. А. И. Герцен провел год в тюрьме, а потом три года — в ссылке «за оскорбление императорского величества пением возмутительных песен» на студенческой вечеринке, на которой он даже не присутствовал.

Кроме военной или государственной службы, других форм гражданской жизни в России не предусматривалось. И здесь пришла литература. Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать у нас гражданство больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага. Литература звала вперед. Литература определяла нашу социальную и политическую жизнь.

Как писал С. А. Венгеров, начиная с 1840-х гг., всякий заметный писатель становился у нас общественным вождем. «Всякий писатель должен идти направо или налево, а писатель индифферентный к общественным вопросам не имел ни влияния, ни успеха в соответствующей его таланту степени»¹. Для выдающихся критиков, начиная с 40-х гг., художественные произведения становились лишь предлогом, чтобы высказать свои общественные идеалы.

Возможно, именно эта социальная ответственность сделала русскую литературу великой. Только радикально настроенные эстеты, как, например, В. В. Набоков, считали ее вредной для художественного измерения литературы². Большая же часть литературоведов XIX и XX вв. признавала, что идейность и борьба за правду не только не ослабляли ее художественности, а, напротив, укрепляли ее. «Все, что придает такую красоту русской литературе, все, что составляет тайну обаятельного впечатления, которое она производит на европейские умы, — все это кроется в том, что кающийся дворянин и интеллигент не могут примириться с социальной и всякую иную неправдою»³. Если давать самое приблизительное определение русской литературе XIX в., то она представляет собой беспримерное сочетание художественной красоты и нравственной силы в подавляющем числе своих образчиков.

¹ Венгеров С. А. Основные черты истории новейшей русской литературы // Собрание сочинений С. А. Венгерова. Т. 1. «Героический характер русской литературы». — Пг., 1919. — С. 27.

² См.: Набоков В. В. Писатели, цензура и читатели в России // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. — М., 1996.

³ Венгеров С. А. Героический характер русской литературы // Собрание сочинений С. А. Венгерова. Т. 1. «Героический характер русской литературы». — Пг., 1919. — С. 88.

Но главное, что посмотрев на русскую литературу с политической точки зрения, мы поймем ее особенности и отличия от всех других национальных литератур.

1. Освободительный пафос

С точки зрения автора книги «Опыт философии русской литературы» Андреевича (Соловьева Е. А.), именно освободительный пафос дал русской литературе лицо¹. Когда П. Я. Чаадаев в конце 1820-х гг. писал, что «мы не дали себе труда ничего создать в области воображения»², имея в виду, в частности, русскую культуру, он не сильно грешил против истины. В 1834 г. В. Г. Белинский писал, что на русскую литературу, в огромной ее части, можно смотреть как на сплошной перевод с иностранного. Все так. И все бы, может быть, так и продолжалось, если бы «исключительные обстоятельства жизни не придали ей (литературе) очень рано протестующего характера и не выдвинули на сцену той идеи, которая стала господствующей»³. Имя этой «господствующей идеи», по мысли Андреевича, — отрицание крепостного права.

В соответствии с этим взглядом, новейшую историю русской литературы критики революционно-демократического толка начинают с Гоголя, Белинского и «философского брожения мысли» 1830-х гг. К тому, что было раньше, можно относиться как к периоду подготовительному. Хотя идея отмены крепостного права появилась еще в XVIII в. Первыми пытались отделить литературу от государства, предать ей протестный характер такие трагические персонажи нашей истории как Н. И. Новиков и А. И. Радищев.

Ну а Пушкин? А Пушкин, за исключением своих вольнодумных стихов, по иронии судьбы, не имел отношения к сущности русской литературы. Его слишком беззаботный и жизнерадостный стиль совершенно не соответствует, сложившемуся после Гоголя и Белинского, идеалу «сурового монастыря». Парадоксальным образом русские писатели не пошли за своим национальным учителем⁴.

В нашей литературе господствовала идея, а не красота. Этика, а не эстетика. Наша литературная юность, как пишет Андреевич, — это злые насмешки Крылова и Грибоедова, скорбный смех Гоголя, проклятия Лермонтова и страстное желание его «смутить веселость их и дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью», безнадежный приговор всему русскому прошлому и настоящему — Чаадаева, сарказм и ирония Герцена, резкая критика Белинского и т. д.⁵

¹ См.: Андреевич (Соловьев Е. А.) Опыт философии русской литературы. — СПб, 1909. — С. 2.

² Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Сочинения. — М., 1989. — С. 25.

³ Андреевич (Соловьев Е. А.) Опыт философии русской литературы. — СПб, 1909. — С. 2.

⁴ См.: Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. Т. 2. — М., 1994. — С. 20.

⁵ См.: Андреевич (Соловьев Е. А.) Опыт философии русской литературы. — СПб, 1909. — С. 10.

Справедливости ради надо сказать, что Андреевич ошибочно сводит все многообразие тем и направлений русской литературы к борьбе с крепостным правом. Если это стремление вдохновляло русских литераторов на этапе возникновения литературы, то говорить об одном освободительном пафосе на протяжении всего XIX в. — чрезмерное упрощение. Однако авторам всех направлений был свойственен учительский тон и проповедческий пафос.

2. Проповедческий пафос

Проповедческий характер русской литературы тоже обусловлен политическими причинами, его никак нельзя объяснить западным влиянием. Там, на Западе, общественная жизнь имела другие способы самовыражения, кроме литературы и критики. Была наука, было развитое изящное искусство. Было политическое представительство. Литературе не было надобности восходить на кафедру и оттуда учить жить. У нас же автор воспринимал литературное творчество как служение, как долг перед народом и страной.

С тех пор, как в эпоху Белинского русская литературно-общественная мысль раскололась на два направления: людей, связывавших свои надежды с европейской демократией, и людей, отстаивающих возможность «русского пути», западнические и славянофильские мотивы проходят красной нитью через произведения практически всех крупных русских авторов на четыре последующих десятилетия.

Все, что написано Тургеневым, Гончаровым, Григоровичем, Достоевским в первой половине их деятельности, все, что потом написано Салтыковым-Щедриным, Некрасовым, Глебом Успенским, революционно-демократическими публицистами 1860–70-х гг., все это, является отражением вполне определенных направлений социально-политической мысли, которое можно условно назвать «западничеством».

С другой стороны, творения писателей, которые группировались, начиная с 1840-х гг. вокруг журнальных изданий Погодина, Шевырева, в 60-е — вокруг «Русского вестника», Достоевский и Гончаров в зрелый период творчества, все эти тексты являются выражением «славянофильского» мировоззрения.

Писатели славянофилы с «пламенным усердием» давали отпор новым западническим течениям и, так же как их оппоненты, превращали свои произведения в пропаганду.

3. Антибуржуазный пафос

С проповедью общественного блага напрямую связана идея самоотречения. Потому что существенным элементом программы по насаждению правды и осуществления идеала является сознание, что на каждом человеке лежит обязанность искоренять зло этого мира. Поэтому личное счастье преступно или пошло, а цель человеческой жизни должна состоять не в достижении счастья, а — в борьбе за правду.

Стефан Цвейг писал: «Раскройте любую из пятидесяти тысяч книг, ежегодно производимых в Европе. О чем они говорят? О счастье. У Диккен-

са целью всех стремлений будет милостивый коттедж на лоне природы, у Бальзака замок с титулом пэра и миллионами. Кто из героев Достоевского стремится к этому? Никто. Ни один»¹.

Галерея русских литературных типов второй половины XIX в., за исключением сатирических и второстепенных, демонстрирует нам разного рода самоотречения и самопожертвования.

Жажда подвига, желание принести себя в жертву, отказ от благ этого мира во имя чего-то высшего, все эти антибуржуазные мотивации мы найдем не только в литературе, которую принято называть революционно-демократической, но и в текстах авторов, теоретически отрещивавшихся от стремления русской интеллигенции, — у Толстого и Достоевского.

Итак, социально ответственные русские писатели понимали свою миссию как проповедь, а критика (Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев) ревностно следила, чтобы миссия выполнялась и была по рукам тем писателям, которые понимали литературу иначе или позволяли себе какие-то эстетические вольности. Продолжая метафору, если русская литература была суровым монастырем, то критика представляла отряд иосифлянских старост, которые возвращали заблудших монахов к праведной жизни ударами посоха.

4. Народнический пафос

Учитывая, что интенционально русская литература была освободительной, с 1840-х гг. она находила свои идеалы в народной жизни. Романтизм и сентиментализм были у нас направлениями подражательными. При всей гениальности Пушкина, Лермонтова, Жуковского. Оригинальность нашей литературы выразилась в народничестве: в славянофилах, в Некрасове, в Герцене, в Лаврове и Толстом. «Единственно оригинальное течение нашей мысли — наше народничество»². Политический протест в условиях аграрной крепостнической страны в XIX в. получил характер преклонения перед простым мужиком и русской сельской общиной. И здесь встретились идеалы славянофильского и революционно-демократического направлений.

Славянофилы первыми сказали, что от европейцев нас отличает общинно-земледельческое мышление. Что идеалом общественных отношений для русского человека является мир (сельская община). В ней реализуется духовный принцип соборности. После кризиса либеральных идей, связанных с событиями во Франции 1848 г., общиной заинтересовался Герцен. Он нашел в ней, кроме соборности, реализацию социалистических принципов имущественного равенства, коллективизма и самоуправления. После Герцена для всех русских революционеров, вплоть до Ленина, община была чем-то святым, залогом перехода к социализму, минуя «ад капитализма». Народничество стало в XIX в. нашей религией, нашей «собственными руками выстроенной церковкой»³.

¹ См.: Цвейг С. Герои Достоевского // Цвейг С. Статьи. Эссе. — М., 1978.

² Андреевич (Соловьев Е. А.) Опыт философии русской литературы. — СПб, 1909. — С. 17.

³ См.: Андреевич (Соловьев Е. А.) Опыт философии русской литературы. — СПб, 1909. — С. 18.

Общинное мышление, разумеется, не призрак, выдуманный славянофилами, начитавшимися Гегеля. Это факт нашей истории. Другое дело, что мужик-общинник, наверное, понимал его в значительной степени иначе, чем сентиментальный дворянин или злой разночинец. В любом случае, именно община вдохновляла русских интеллектуалов XIX в., именно она давала надежду на осуществление «крестьянского царства» или «свободной федерации крестьянских общин» на началах христианского (коммунистического) братства.

В народничестве, опять же, не было ни капли заимствования. Больше того, благодаря народнической тенденции, наши писатели воспринимались на Западе или дикарями или святыми. Дикарями потому, что они превозносили архаические формы хозяйственной деятельности, противились прогрессу, а святыми потому, что эти формы понимались обращенными к идеалу раннехристианской общины. То есть в основе общинного объединения лежала отнюдь не экономическая выгода, а нравственная необходимость.

5. Христианский пафос

Напрямую с идеализацией простого народа и сельской общины связана «опростительная» тенденция в русской литературе. Она заключалась в стремлении духовно и физически слиться с народом, с его бытом, проникнуться его мышлением, его простой и честной религиозностью. Эта тенденция выразилась в учении славянофилов, народников и нашла свое завершение в толстовстве. И на примере графа Л. Н. Толстого, главного «кающегося дворянина», лучше всего видно, откуда она взялась. Из обостренного чувства справедливости. Уже в раннем произведении Толстого «Детство» можно найти ощущение неловкости, возникающее у маленького барина оттого, что он живет не своим трудом. И это чувство неловкости, практически незаметное в западной литературе, было источником огромного количества русских шедевров.

Опущение — идея чисто этическая. В ней нет стремления к знанию, к благосостоянию, никакой воли к власти. Напротив. Ее главный враг — эгоизм. А идеал — бедность. В центре нашей литературы XIX в. стоял «народолюбец». Как славянофил он исповедовал православие. Как народник — мораль любви и самоотречения. Народолюбец мог быть православным, атеистом или толстовцем, не важно, но именно христианство определяло его идеалы общественной жизни.

Какую бы книжку XIX в. мы не взяли, везде будет проповедь любви, сострадания, жажда подвига. Причем этот подвиг ценен не результатом, а сам по себе. И такой русскую литературу сделала, с одной стороны, русская политика, которая создавала государственные формы, исключавшие политическое участие и, с другой стороны, чувство «неоплатного долга» дворянства перед народом.